

Журнал "Америка"

№1, 1965

УДК 304
ББК 60.5
Ж92

Ж92 Журнал "Америка": №1, 1965 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 64 с.

ISBN 978-5-458-69257-1

Журнал «Америка» издается Правительством США по заключенному с Правительством СССР на основе взаимности соглашению, предусматривающему распространение журнала «Soviet Life» в США, а журнала «Америка» в СССР. Подписка на журнал «Америка» принимается в СССР отделениями Союзпечати в пределах обусловленного соглашением тиража.

ISBN 978-5-458-69257-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

зал так же требовал бисировать, профессору Фауитену опять передавали записки. Одна записка особенно тронула нас: студент духовной семинарии просил исполнить «Аллилуйю» Рандола Томсона. Когда мы ее пели, у многих на глазах блеснули слезы. Запомнился и другой волнующий момент: после концерта к Роберту Фауитену подошла пожилая дама, миниатюрная и очаровательная; она опиралась на палку; это была дочь Римского-Корсакова. На улице нашего дирижера окружили любители автографов и не отставали от него до самой гостиницы.

Наши ленинградские гастролы были во всех отношениях удачными. Оказанный нам прием превзошел ожидания. Наш последний концерт в Ленинграде кончился, мы покинули эстраду, но слушатели расходились медленно. Долго они еще стояли и хлопали. Не знаю, сколько раз профессор Фауитен выходил раскланиваться. Наконец он начал раздавать автографы, пока не подошло время закрывать зал. На занесенной снегом улице нас окружили студенты, они осыпали нас похвалами, заговаривали с нами, дарили нам открытки и значки, без конца благодарили нас.

После Ленинграда состоялся наш первый концерт в Москве. Московская публика отличалась от уже знакомой нам ленинградской. Ее было раза в два больше, и чудесный Большой зал Московской консерватории был переполнен. В тот вечер на концерт пришли сотрудники Американского посольства в Москве и немало известных советских деятелей. Встретили нас все с той же теплотой: были и громкие крики «браво», были и ритмические аплодисменты, означавшие требование бисов. Все мы испытывали большое удовлетворение. Наше пение принимали горячо и восторженно, с энтузиазмом отвечали на малейшие проявления дружеского интереса с нашей стороны. И мы твердо решили сделать все возможное, чтобы остальные гастролы прошли с таким же успехом, как и первая неделя.

РУССКИЙ НАРОД. Начиная с нашей первой памятной встречи с ленинградскими студентами, мы все время ощущали то замечательное, искреннее расположение, которое повсюду проявляли к нам русские люди. Русские — удивительные слушатели, и чем дольше мы выступали, тем все лучше и лучше нас принимали. Оvation, устраиваемые в каждом городе, превосходили все наши ожидания. Особенно бурно выражали свой восторг последние ряды балконов, где обычно сидит учащаяся молодежь. Именно студенты первыми начинали аплодировать. На каждом концерте мы бисировали собственно для них, и они, казалось, готовы были слушать нас до утра. В день окончания московских гастролей добрая сотня студентов буквально штурмовала кассу консерватории. Но в зале даже стоять было негде. Какая радость — петь перед такой отзывчивой и понимающей публикой! Каждый раз мы чувствовали, что доставляем им огромное наслаждение.

Мы посетили несколько институтов и консерваторий, где разговаривали и познакомились со многими студентами. Это было, пожалуй, одной из самых интересных сторон нашего турне. Быть может, оттого-то нам так и понравился Ленинград, что там мы ближе всего сошлись с советскими студентами. Впервые мы встретились с учащейся молодежью на «обмене ре-

комств, особенно в Ленинграде. Нас часто приглашали в гости, наши новые друзья ждали нас после концерта у театрального подъезда. Студенты очень нами интересовались и беседовали с нами откровенно. В разговоры о политике мы не пускались, что частично объяснялось, возможно, незнанием языка. Правда, когда мы посещали институты иностранных языков, мы знакомились там со студентами, превосходно говорящими по-английски. С ними мы обсуждали системы образования в наших странах и вели разговоры на отвлеченные темы.

Мы, молодые люди, во многом везде одинаковы. Помню, как я раз сидела среди веселых виолончелистов в маленьком классе Минской консерватории (после Москвы мы поехали в Минск). Мы сравнивали их интерпретацию музыки с нашей, смеялись, шутили, а виолончелисты шегояли друг перед другом исполнением сюит Баха. Разницы между русскими и американцами почти не чувствовалось. А связывало нас многое — и молодое желание ближе познакомиться друг с другом, и общая любовь к музыке. Мы знаем, что в каждом городе у нас остались друзья. Кое-кто из нас даже получил в Москве письма от своих новоиспеченных друзей в Ленинграде.

ОЧАРОВАНИЕ КИЕВА. В Киеве есть что-то особенное. Мы его сразу полюбили, и наше трехдневное пребывание там оставило неизгладимое, ни с чем не сравнимое воспоминание.

Приехали мы туда рано утром по железной дороге. С поездкой вышла целая история, из-за которой, возможно, Киев и показался нам сразу каким-то особенным городом. Рано-рано утром в понедельник мы выехали из Рязани в Москву. Чтобы поспеть на поезд, пришлось подняться в половине шестого. Позавтракали мы в московском аэропорту и стали ждать нашего самолета на Киев. Но, как нам сообщили, он на час опаздывал. Мы остались в ресторане. Ждем час, ждем два. Наконец узнаем, что самолет полетит не в назначенное ему время — 1.30 дня, а в 7.30 вечера. К тому времени мы уже чувствовали себя в аэропорту как дома. Кое-кто сражался в карты. Музыканты тихонько разыгрывали с листа струнные квартеты Гайдна. Остальные писали письма, дремали, болтали, тратили свои рубли на сувениры... Вдруг нам пришлось в голову устроить репетицию — к немалому восторгу остальных пассажиров, особенно когда прозвучали негритянские песнопения. Веселились мы ужасно. Тут нам объявили, что самолет вылетит лишь завтра в десять утра. Пришлось переменить планы и ехать поездом. Мы отправились на вокзал, устроились в прекрасных спальных вагонах и проспали четырнадцать часов — всю дорогу до Киева.

Киев очарователен даже окутанный в серый предутренний туман. У него свое особое лицо. Город раскинулся на холмах. Бросаются в глаза здания с декоративными решетками, украинская мозаика, статуи. Извивающиеся улицы обсажены деревьями, перед зданиями часто видны прелестные каменные или чугунные ограды. Дышитесь в Киеве как-то легко и свободно. Улицы пестрят яркими нарядами, на перекрестках продаются весенние цветы и пушистая верба.

Пели мы в приятном небольшом зале, таком уютном, что, казалось, мы можем обнять всю аудиторию. Радостный задор, с которым мы пели, сразу передался публике. Киевлянам нравилось все, что мы пели. Они хлопали, бросали на эстраду цветы, опять хлопали, просто не давали нам кончить. Когда после очередных аплодисментов наступила небольшая пауза, в зале громко раздалось по-английски «very good», причем с таким украинским акцентом, что даже мы на эстраде не могли удержаться от смеха.

Из наших выступлений в Киеве особенно запомнилось исполнение двух вещей. Во-первых, замечательного хора Чеснокова «Спасение содела», который мы пели по-русски. Нам сказали, что эту вещь еще не исполняли в Киеве, а потому мы пели ее с исключительным подъемом, лучше, чем все остальное. Да и вообще наши три киевских концерта были, пожалуй, лучше всех предыдущих. Во-вторых, невероятный успех имела украинская коляда о колоколах. Мы еще никогда не испытывали столь бурной реакции слушателей. Вероятно, песня эта была одной из самых любимых у украинцев, а потому петь ее в Киеве было для нас особенно приятно.

После концертов нас ждали наши многочисленные почитатели. Они выстраивались длинными рядами от дверей артистических уборных до выхода, и мы с трудом пробивали себе дорогу через эту аплодирующую, восторженную толпу. Нас, особенно солистов, останавливали, лично благодарили. Чтобы поговорить с нами, многие поджидали нас на улице. Наши новые друзья, с которыми мы познакомились в консерватории или после концертов, провожали нас до гостиницы, советовали, что осматривать в городе на следующий день, в каком магазине что купить. Мы их приглашали к себе в гостиницу, толковали о музыке, расспрашивали друг друга о школах, университетах, рассказывали о наших странах. Как приятно приобретать таких друзей! Сразу устанавливались теплые, дружеские отношения, мы шутили, смеялись, болтали, как закадычные друзья.

Киевляне, подобно ленинградцам, очень гордятся своим городом. И те и другие нам без конца повторяли: «Обязательно, обязательно приезжайте к нам весной или летом». Ничто в мире, заверяли нас, не может сравниться

Хор Оберлицкого колледжа на репетиции в Московской консерватории.

петitionsми», когда участники ленинградского университетского хора пришли на нашу репетицию. Затем мы слушали их пение, после чего около часа провели в самой дружеской обстановке. Мы пели, танцевали, обменивались сувенирами и адресами, смеялись до упаду и в конце концов, взявшись под руки, усадили на эстраде и предоставили фотографу нас снимать.

С тех пор такие встречи повторялись часто: мы приходили в учебное заведение, и, когда оканчивалась официальная часть приема, каждый делал, что хотел. Нас сейчас же окружали студенты, делали нам подарки — иногда маленькие сувениры, вроде значка со Спутником или открытки с видами города, а часто даже книги и пластинки. Завязывалось много личных зна-

с Ленинградом, когда наступают белые ночи, когда солнце, едва скрывшись за горизонтом, опять восходит, когда светло всю ночь напролет. Все зацветет весной в Киеве, твердили другие, деревья вдоль улиц, ползущих по холмам, наденут свой весенний наряд. И как бы нам хотелось еще раз побывать там! Но времени было в обрез. Мы наспех осматривали города, порой запоминая лишь отдельные улицы или лишь отдельные здания. В памяти осталось несколько как будто знакомых лиц да чудесная, радостная картина — наши замечательные слушатели. Впрочем, и этого достаточно, чтобы Киев стал для нас чем-то большим, нежели просто интересным старинным городом, и мы льстим себя надеждой, что несмотря на наше короткое пребывание и киевляне долго не забудут наше пение.

ХОР ПУТЕШЕСТВУЕТ. Жить и разъезжать сплоченной группой — вещь сама по себе довольно поучительная. Нагруженные сумками и сак-вожками, мы выезжаем из трех автобусов Интуриста, которые доставляют нас в гостиницу с аэропорта или вокзала. Одни обвешаны фотоаппаратами, у других болтается балалайка, третьи держат в руках игрушечную модель кремлевской башни или пучок вербы. Все мы вваливаемся в вестибюль гостиницы, ждем, пока нас распределят по комнатам. Вначале не обходилось без путаницы, но когда мы прибыли в четвертую гостиницу, у нас все уже шло гладко. Почти сразу вслед за нами прибывал багаж. Его складывали в вестибюле, мелом отмечали, куда какой чемодан предназначается, и доставляли вещи к нам в номер. Обычно все шло без перебоев. Номера — притом вполне благоустроенные — были заранее приготовлены. Нас всюду сопровождали шесть милейших сотрудников Госконцерта, подведомственного Министерству культуры СССР. Мы очень привязались к нашим верным спутникам. Трое из них заботились о гостиницах, питании, транспорте, а без трех остальных мы бы вообще пропали: они были нашими переводчиками. Генриета, Игорь и Анна — так звали переводчиков — оказали нам немало услуг. И когда настал день отъезда в Румынию, нам было грустно расставаться с нашими милыми друзьями.

Мы уже побывали в шести советских городах: в красавце Ленинграде, в Москве с ее высотными зданиями, в Минске, Рязани, в очаровательном Киеве и Львове. Ленинград долго оставался нашим любимцем: там состоялся наш первый концерт, там у нас завязалось так много знакомств и там мы провели шесть дней — больше, чем в каком-либо другом городе. Ленинград — город спокойный, солидный, город, которым необычайно гордятся его жители. По сравнению с ним Москва кажется чересчур деловой и какой-то безличной. После Москвы Минск произвел более жизнерадостное впечатление: люди там как будто веселее, одежда их ярче. Киев и другие украинские города порадовали нас зданиями с лепными украшениями, маленькими магазинчиками, где продаются чудные вышивки, парками, начинавшими зеленеть по-весеннему. Во Львов мы прибыли в Светлое Воскресенье, и многие отправились в костел. Костел был переполнен: старики и старухи, люди средних лет, молодежь, дети. Перед костелом женщины продавали оригинально расписанные деревянные яйца. Естественно, мы не могли удержаться от соблазна и купили их на память.

Но спросите, что нам больше всего понравилось в этом турне — и любой из нас, не задумываясь, ответит: «Концерты!» То были волнующие, почти волшебные минуты. Казалось, больше нам ничего не было нужно, мы могли жить одними аплодисментами. А их мы слышали больше, чем смели ожидать: бурные, оглушительные, ритмические, переходящие в крики «бис». Когда мы пели, почти каждый из нас смотрел на кого-нибудь в публике, устанавливая с ним какую-то невидимую связь. И благодаря этому мы чувствовали себя еще ближе к слушателям. С какой жадностью они искали встреч с нами! Как могли мы не радоваться! «Боже, какое счастье!» — твердили мы про себя каждый день.

В памяти участников нашего хора осталось очень многое: Ленинград и его великолепный Эрмитаж, Пушкинский музей и Кремль в Москве, бесчисленные институты и консерватории, Пасха во Львове, прием и роскошный завтрак в Американском посольстве, метро, церкви и храмы... В памяти хранится еще одно чудное воспоминание о поездке, дорогое, вероятно, всем нам: русские дети. Укутанные в меховые шубки, рейтузы, валенки, вязаные шапочки, так что ручонки их торчат в разные стороны и колени почти не сгибаются. И куда ни пойдешь, всюду видишь эти меховые шары, за которыми присматривает зоркое око бабушки. Из-под нахлобученной шапочки на тебя глядят огромные глазенки — просто нельзя удержаться, чтобы их не сфотографировать.

Конечно, у каждого из нас остались и сугубо личные воспоминания. Но много воспоминаний у нас и общих, коллективных. Мы не забудем те грустные минуты, когда в кругу наших новых русских друзей мы вдруг вспоминали, что скоро расстанемся с ними навсегда. Не забудем мы и радостное чувство, которое охватывало нас при удавшемся исполнении. Не забудем мы и тех ценных уроков, которые вынесли из путешествия. За эти шесть недель мы все так выросли, возмужали. «Я думаю, что за время нашего гастрольного турне мы все научимся лучше и сильнее любить других», — как-то сказал нам во Львове профессор Фаунтен. И пожалуй, именно это и следует признать самым ценным во всей нашей поездке.

Диана в Оберлинском колледже

ФОТО ДЖОНА РИСА

По окончании занятий Диана и Родни проходят мимо студенческого театра.

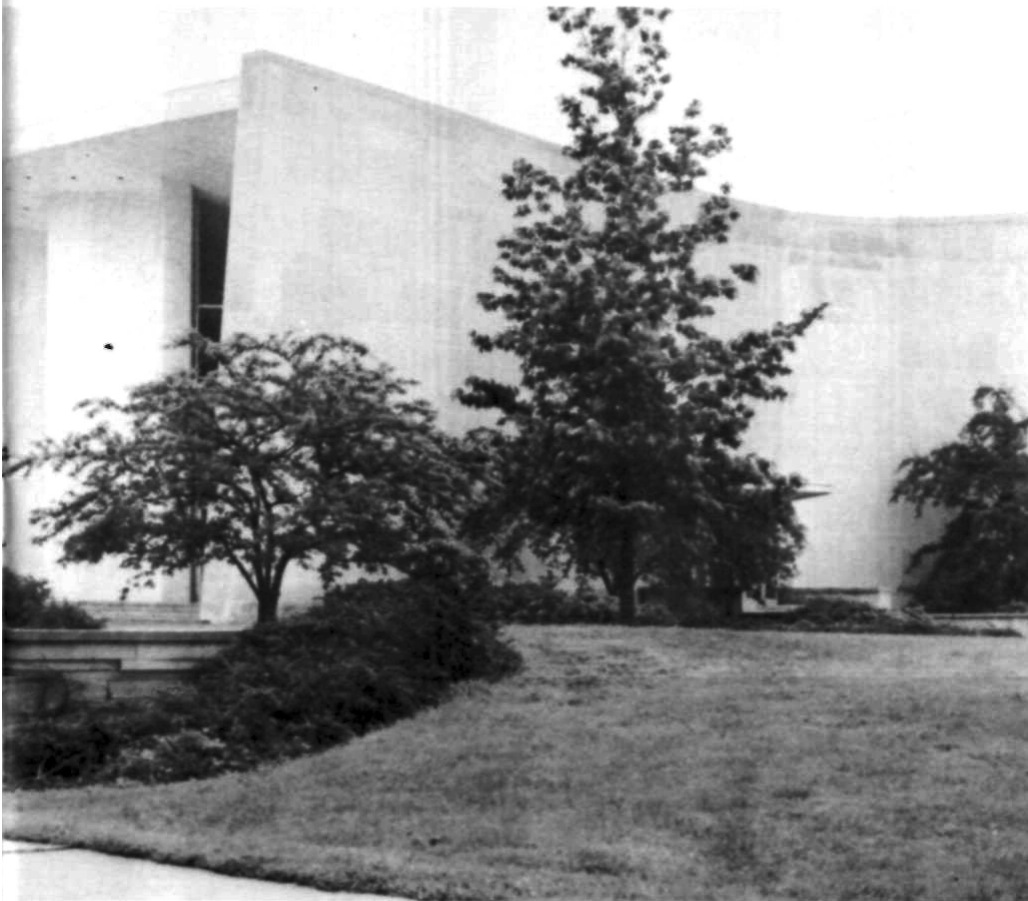

Магазин грампластинок — излюбленное место встреч музыкальной молодежи.

Оберлинский хор выступает на выпускном акте.

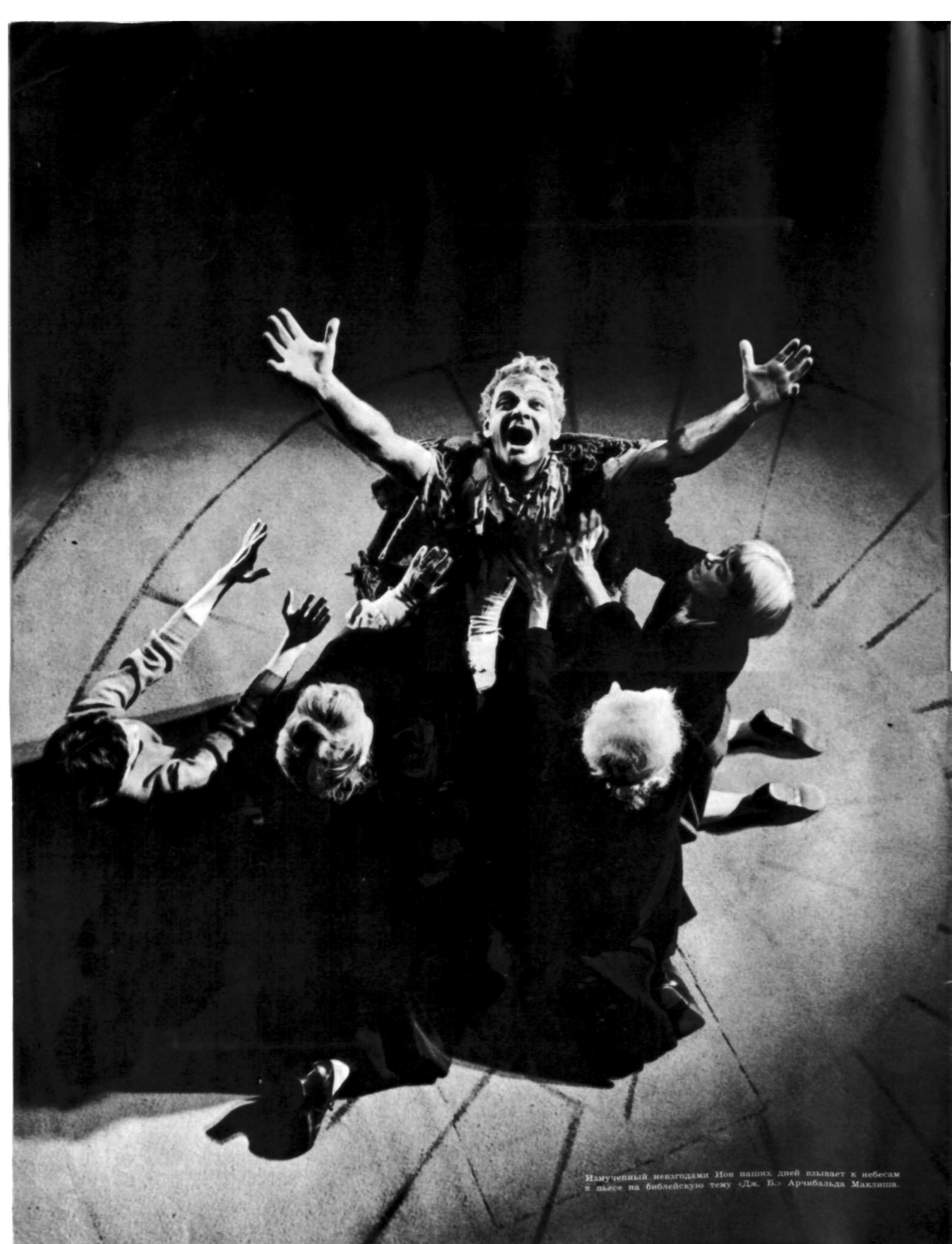
Диане приходится много упражняться на органе.

Гастроли хора закончились, и Диана Хейли снова приступает к занятиям. Оберлинский колледж, в котором она учится, был основан в штате Охайо в 1833 году. Он одним из первых открыл свои двери для девушек и выступил за совместное обучение всех рас. Ныне колледж известен своими высокими академическими требованиями и особенно славится музыкальным отделением. Все это заставило Диану покинуть родной Сент-Питерсбург во Флориде, где живут ее родители (отец ее — пастор, мать — учительница музыки). Диана специализируется по латыни и истории, но почти все свободное время отдает музыке. «Когда я впервые услышала хор, я пришла в восторг, — вспоминает она. — Мне безумно захотелось петь с ними». Желание Дианы исполнилось. Между лекциями и уроками игры на рояле и органе, девушка успевает встретиться со своим другом, студентом Родни Фарраром, который тоже побывал с хором в Советском Союзе.

На выпускной вечер собираются и студенты и местные жители.

Измученный невзгодами Ион наших дней, взывает к небесам
в пьесе на библейскую тему «Дж. Б.» Арчиальда Маклинша.

ТЕАТР И ЦЕРКОВЬ

Уолтер Сорелл

Уолтер Сорелл — не только авторитетный знаток религиозной драмы, но и талантливый драматург, пополнивший этот интересный жанр. Его пьеса «*Всякий человек сегодня*», поставленная под эгидой Общественной богословской семинарии, — это история рядового человека наших дней, который призван к ответу за свои грехи. Газета «*Нью-Йорк таймс*» назвала ее «*возмущающей назидательной драмой (моралите)*», написанной человеком принципиальным, знающим театр и обладающим большим вкусом». Уолтер Сорелл является балетным и театральным критиком газеты «*Провиденс ажурнал*», автором книги о современном танце и сотрудником ряда журналов. Его статьи о танцевальном искусстве неоднократно печатались на страницах «*Америки*».

Растущее влечение американского театра к жанру, весьма неточно называемому религиозной драмой, можно объяснить многими причинами. Пережив потрясения последней войны, человек сейчас испытывает сознание огромной ответственности и ощущает нравственные колебания, ибо он держит в руках силу, способную уничтожить его самого. Кроме того, сейчас у духовенства всех вероисповеданий — католиков, протестантов и иудеев — возрождается интерес к театру. Эти факторы, вместе с целым рядом других, способствовали небывалому росту интереса к религиозным пьесам даже у коммерческих театров Бродвея.

Религиозная драма — явление отнюдь не новое. Театр классической древности развился из представлений, связанных с культом Диониса, а современный театр вырос из средневековых мистерий и моралите — жанров религиозного театра. Новое в современной религиозной драме то, что она отталкивается от догматизма и доктринерства. Она носит универсаль-

ный характер и разбирает стоящие перед человеком вопросы с различных моральных, социальных и психологических точек зрения. В прошлые эпохи поощряемые церковью представления содержали готовые ответы на все вопросы, но в современном театре религиозные темы не подводятся под те или иные вероучения, основанные на догматах. Пьесы не дают ответов — они лишь ставят вопросы.

Драматург больше не пишет о принятии существующей жизни или о воздаянии, ожидающем нас в жизни будущей. Его интересует цельность человеческой личности, ее самосознание, ее место в обществе. Он часто избирает для своих пьес библейские сюжеты или дилеммы, с которыми сталкивались в прошлые века различные деятели церкви, но подход, трактовка, отношение к этим темам глубоко современны. Сцена не превращается в кафедру проповедника, она остается местом для обсуждения насущных проблем сегодняшнего дня. Для примера можно указать на вызвавшую горячие споры бродвейскую постановку пьесы «*Наместник*» — произведения современного немецкого драматурга, резко критикующего действия или, вернее, бездействие высшего католического духовенства в эпоху нацизма.

Мятушася совесть человека — а следовательно, его потребность искать смысл и цель существования — была самым драматическим вопросом во все времена. И наша эпоха не представляет исключения. Недаром большинство серьезных драматургов стремится к подчеркнуто поэтическому осмыслению жизни. Когда Толстой в своем критическом очерке «*О Шекспире и о драме*» писал, что не существует драматического искусства без реалистического, нравственного и, в конечном счете, религиозного миро-созерцания, он видел в драме средство уяснения отношения человека к Богу. Всякая великая пьеса, да и вообще всякое великое произведение

Пьеса Т. С. Элиота «*Вечер с коктейлями*» старается заострить внимание зрителя на древнейшей проблеме: спасение через любовь и страдания.

искусства стремится приблизить нас к таинству жизни, к пониманию самих себя. Наша борьба за самопознание в окружении сил света и тьмы неизбежно приводит к новому пониманию смысла жизни.

Отклик некоторых американских драматургов на эти вопросы породил много интересных пьес. Конечно, не все произведения, заслуживающие названия религиозной драмы, пользуются успехом у публики. Но важно то, что все драматурги понимают, какое брожение мы переживаем, и пытаются отыскать истину.

Начнем с бродвейских театров. Казалось бы, религиозные пьесы не представляют для них интереса. Тем не менее, вот уже много лет эти пьесы занимают видное место в репертуаре бродвейских театров. Так, на Бродвее шли «Вечер с коктейлями» и «Доверенное лицо» Т. С. Элиота — две, можно сказать, воинственно религиозные пьесы этого родившегося в Соединенных Штатах поэта, который одним из первых в наше время использовал театральные подмостки для проповеди евангельского слова. Т. С. Элиот стоит на позициях ортодоксального католицизма, но если по взглядам он

Два незнакомца сражаются за место на скамейке в пьесе Эдуарда Алби «Случай в зоопарке», которая затрагивает вопрос об отношении к ближнему.

консерватор, то по форме он модернист. Он не останавливается даже перед тем, чтобы в качестве заместителя или символа Бога вывести психоаналитика. Именно под влиянием Элиота и другие современные драматурги стали писать пьесы в стихотворной форме, проникнутые религиозными мотивами.

Из таких пьес заслуживает особого упоминания драма Арчибалда Макклиша «Дж. Б.» Подобно Иову в Ветхом Завете, недоумевающему, чем вызваны обрушивающиеся на него невзгоды, герой пьесы, Дж. Б., тоже не находит ответа и приходит к следующему выводу:

«Мы, безусловно, чем-то провинились:
Ведь Бог немислим, если мы невинны».

Иов не виноват ни в чем, и его несокрушимая вера выдерживает испытание. Но Дж. Б. в пьесе Макклиша уже не столь безгрешен. В наше время нельзя отрешиваться от вопроса о коллективной вине. Когда мы видим на сцене угнетенное человечество, несчастных, обездоленных людей, а рядом с ними — счастливого и преуспевающего Дж. Б., тогда постижение его беды предстают перед нами в новом свете. Это уже не испытание, посланное в Библии достойному человеку, — это нечто иное, более современное. Насколько современна трактовка Макклиша видно из того, что трем библейским утешителям в пьесе соответствуют адепты Христа, Фрейда и Маркса. Мы встречаемся с пьесой в пьесе, когда двое балаганных зыблыв надевают маски и начинают изображать Бога и Дьявола, разыгрывая исто-

рию современного Иова, которыми, по мнению Макклиша, переполнен мир.

Падли Чаевский стяжал известность пьесами из жизни людей, принадлежащих к низшему слою среднего класса населения. К ним, в частности, относится и мясник Марти, герой одноименной пьесы. Чаевскому близки язык и чувства представителей этой группы. В пьесе «Десятый человек» он избирает местом действия синагогу и воскрешает историю Дибук в современной обстановке. В пьесе «Гидеон», используя библейский сюжет, он драматизирует и очеловечивает рассказ о простодушном Гидеоне, которого Господь избрал орудием для своих чудес. У Чаевского Гидеон изображен маленьким человечком, упорно отказывающимся примириться с предопределенной ему Богом судьбой. Гидеон осмеливается вступать в спор с Богом, требующим безоговорочной любви к Себе. Здесь Чаевскому удалось сочетать вечный конфликт между детьми и отцами на высоком плане с отчаянным стремлением современного человека к самоутверждению. «Строгая ортодоксальность, — писал театальный критик газеты «Нью-Йорк таймс», — требует беспрекословного, полного подчинения каждому слову догмата. По мнению Чаевского, Гидеону судьбой уготовано пробираться в темноте, ощупью отыскивая путь, то и дело ошибаясь. Но этот путь он избирает сам, ясно сознавая и скрытые опасности и собственную ответственность. Это и делает его настоящим человеком».

Не следует думать, конечно, что драматург садится за стол с ясно выраженным желанием написать религиозную пьесу (иногда он выполняет заказ, но это уже исключение). Однако не трудно себе представить, что из теснящихся вокруг него образов, из виденного и слышанного, из нравственного негодования может родиться произведение, перестраивающее задуманную тему и поднимающее вопросы веры и высшей этики, но в то же время сохраняющее тесную связь с современной жизнью.

В качестве примера остановимся на пьесе одного из самых молодых американских драматургов, ныне известного и за пределами нашей страны, на пьесе Эдуарда Алби, недавно выступавшего с лекциями в различных городах Советского Союза. В этой одноактной пьесе «Случай в зоопарке» разочарованию молодого поколения противопоставляется обеспеченный мир сплоченного среднего класса. Сталкиваются два поколения и два мира. Человек, на первый взгляд совершенно невинный, совершенно не собирающийся вмешиваться в чужие дела, вдруг оказывается вынужденным убить пришедшего в отчаяние юношу. При этом затрагивается старый библейский вопрос: «Разве я сторож брату моему?» Эдуард Алби написал еще несколько пьес, но эта его первая пьеса остается самым ценным и интересным его вкладом в американскую драматургию.

Луис О. Кокс и Роберт Чампан, служившие в военно-морском флоте США во время Второй мировой войны, драматизировали известную повесть Германа Мелвилла «Билли Бадд»; премьера пьесы состоялась в 1949 году. Действие этого современного моралите разыгрывается на английском судне в конце XVIII столетия. Вся пьеса проникнута философской идеей и выражает уверенность в том, что для абсолютного добра и зла нет места в нашем мире. Аллегорический конфликт между добром и злом воплощен в образы ни в чем не повинного матроса Билли и садиста-начальника, преследованиям которого подвергается молодой моряк. В результате Билли ненамеренно исправляет зло и пожирается бесчеловечным механизмом непреклонного закона. Это противопоставление несправедливости закона нравственной справедливости сам Герман Мелвилл лучше всего объяснил тремя короткими строчками:

Лишь Да и Нет
Наш знает свет.
Но Бог дает иной ответ.

«Билли Бадд» был включен вместе с другими образцами религиозной драмы в трехтомный сборник выдающихся пьес, прямо или косвенно связанных с религиозными вопросами. Некоторые заслуживают особого упоминания. Таково «Последнее слово», сравнительно длинная одноактная пьеса Джамса Бротона, принадлежащего к школе сан-францисских «джазовых поэтов». Впервые она была поставлена в Сан-Франциско в 1958 году вместе с двумя другими одноактными пьесами того же автора. «Последнее слово» изображает последние минуты жизни человечества перед его гибелью от атомной бомбы. Муж и жена перед лицом смерти впервые видят друг друга в истинном свете. Редактор сборника, пастор Марвин Халверсон в предисловии пишет: «В этой пьесе моления, возносимые богам и героям нашего времени, показывают несравненно острее и ярче, чем проповеди и богословские статьи, как современный человек наполняет религиозным содержанием новые символы, по мере того как старые символы христианского вероучения теряют силу».

Известный американский поэт Э. Э. Кэммингс представлен в сборнике религиозной драмой «Санта Клаус». В этой пьесе центральный персонаж готов принести миру дар, но не находит желающих принять его, а Смерть (без которой не обходится ни одно моралите) ищет тех, кто согласен при-

Одержимую злым духом девушку пытаются излечить от ее беды в пьесе Пади Чавеского «Десятый человек» — парафраза поверья о заклинании духов.

нести дар, но никого не находит. Пьеса Кэмингса носит сатирическую окраску, но ее основная тема — любовь, которая одна никогда не слабеет и помогает человеку найти себя.

Другой американский поэт Джеймс Шейвиль представлен в сборнике пьесой «Кровавый догмат». Герой ее — известная фигура раннего периода американской истории Роджер Уильямс, ставший символом борьбы за религиозную свободу. Связанное с его именем историческое событие само по себе свело бы драму к конфликту между совестью Уильямса и властями преследующими. Получилась бы историческая драма с верующим в Бога героем. Но сместив тему в сторону внутреннего конфликта между гордостью Уильямса и волей Бога, автор придал своему произведению многогранность и глубину. Так как «внутренняя» борьба Уильямса имела немаловажные последствия для истории Соединенных Штатов, автор показывает, что иногда сугубо личные, казалось бы, споры человека с самим собой на поверку оказываются не только его частным делом.

«Кровавый догмат» был написан Шейвилем по поручению Центральной церкви конгрегационалистов в Провиденсе (Род-Айленд) и Отдела богослужений и искусства Национального совета церквей. Это типично для Соединенных Штатов и свидетельствует об интересе, проявляемом религиозными организациями и их руководителями к театру вообще и к религиозной драме в частности. Очень многих сейчас воодушевляет мысль использовать драматическую форму для того, чтобы обсуждать, освещать и оживлять вопросы веры и этические принципы, соединяя их с честным реализмом и с присущими только театру динамикой и наглядностью.

Все три вероисповедания прибегают при этом к помощи телевидения и радио. По воскресным дням все крупные радиостанции передают одну-две утренние религиозные программы. Наибольшей известностью пользуются программы «Глядя ввысь и живя» и «Рубежи веры». Главное место в программах отводится постановкам драматических пьес (иногда в них содержатся даже танцевальные номера, связанные с аллегорическим изображением религиозных тем и основных этических и моральных вопросов), порой они сочетаются с другими формами передач. Католические, протестантские и иудейские программы передаются поочередно.

Иудейская богословская семинария в США первой организовала передачу радиопостановок, начав в октябре 1944 года регулярно транслировать программу под общим названием «Вечный свет». С художественной точки зрения это одна из самых безупречных радиопрограмм на религиозные темы. По словам декана семинарии д-ра Моше Дэвиса, который является и главным руководителем передач «Вечный свет», основная тема этих радиопостановок — жизнь. «Героем наших передач неизменно является рядовой

человек. Мы стремимся представить современные темы в свете вечности». С 1951 года эта же программа еженедельно передается и по телевидению, и тоже с большим и неизменным успехом.

Но хотя радио и телевидение могут похвалиться наиболее широкой аудиторией, самую серьезную и интересную работу ведут театры, организованные или поддерживаемые церковью. К числу старейших театров такого рода принадлежит Доминиканский театр, основанный более тридцати лет назад в столице страны, где и сейчас он продолжает свою работу в качестве театрального отделения вашингтонского Католического университета. В 1940 году доминиканцы пустили корни и в Нью-Йорке. Там, в центре Манхэттана на 57-й улице, они открыли камерный театр, которым руководит монах-доминиканец Томас Ф. Кэри. Основной упор доминиканские театры делают на религиозную драму, но не забывают и другие жанры — комедию, трагедию, сатиру, фарс, мелодраму, а также музыкальные, фантастические и документальные пьесы. Не один известный драматург начинал с постановки своей первой пьесы в театре доминиканцев (например, Роберт Андерсон дебютировал здесь пьесой «Возвращаются домой»), и не один молодой актер находил отсюда дорогу на Бродвей или в Голливуд. Из последних постановок доминиканцев следует отметить драму патера Эдуарда А. Моллой «Конец Оскара Уайльда». Как видно из названия, пьеса посвящена последним дням Оскара Уайльда, скептика, в котором теплилась вера в Бога, изгнанника, который оглядывается на прожитую жизнь, готовясь предстать перед своим Создателем.

В католическом Фордамском университете в Нью-Йорке существует театральное отделение, которое из года в год ставит на очень высоком уровне самых различных авторов — от древних греков и Шекспира до современных американцев. Его самым большим достижением можно считать постановку современной мистерии Страстей Господних патера Альфреда Барретта «О мой народ!» Впервые она была создана Фордамским университетом в 1955 году как новая пьеса, приуроченная к запросам современности. С тех пор постановка эта повторяется ежегодно. Действие происходит в Гефсиманском саду. Пьеса использует музыку, хореографию и новейшие театральные приемы. Автор стремится подчеркнуть мужественность Христа; поэтому Христа всегда играют студенты, отличающиеся не только актерскими способностями, но и атлетическим телосложением. Обычно бичуемого Христа изображают члены футбольной или боксерской команды Фордамского университета.

Протестантские церкви провели большую работу по развитию недогоматической религиозной драмы и гордятся тем, что их спектакли вызывают оживленные споры. Объединенная богословская семинария в Нью-Йорке регулярно ставит религиозные драмы. Подобно постоянному драматическому театру, семинария ежегодно ставит три новые пьесы, которые затем обычно входят в репертуар других театральных коллективов по всей стране. Кроме того, семинария руководит летней студией и ее постановками. Репертуар семинарского театра обширен. Среди авторов пьес встречаются такие имена, как Пиранделло, Сартр, Кафка, Элиот, Эрнст Толдер. Широкий доступ имеют и новейшие драматурги, в том числе Хауард Немеров, «Кань» которого произвел сильное впечатление, и Деннис Уилли, чья одноактная пьеса «Очень холодная ночь», написанная в манере Самуэля Беккетта, проникнута настроением человека, попавшего в беду и поглощенного поисками своего «я». Семинария устраивает конкурсы для драматургов, интересующихся религиозной тематикой, молодым драматургам предоставляется возможность жить при театре и знакомиться с театральным делом со всех углов зрения — от плотничных работ и писания декораций до тонкостей драматургической архитектоники.

Кипучую театральную деятельность развивают многие церковные приходы. К числу наиболее деятельных принадлежит протестантская Епископальная церковь Св. Климента на 46-й улице Манхэттана, неподалеку от театрального центра Нью-Йорка. Ее пастор Сидни Ланир перестроил церковь так, что она может служить и театром. Орган сдвинут к задней стене, а алтарь убирается, открывая актерам свободный доступ к подсобным помещениям в нижнем этаже. Проповеди часто сопровождаются небольшими инсценировками, и пастор охотно приглашает драматургов, проявивших склонность к экспериментированию и к новым театральным идеям, попробовать здесь свои творческие силы.

Пастор Ланир стремится привлечь драматургов, проявляющих искренний интерес к этическим проблемам нашего времени. Он всегда считается с мнением аудитории и знакомит ее с драматическими произведениями по-разному — начиная с чтения пьес и отдельных сцен и кончая законченными спектаклями. «Как лицо духовное, — говорит он, — я считаю, что церковь должна видеть духовные потребности людей и удовлетворять их. Мы хотим создать коллектив, способный выдвигать самые различные идеи и устанавливать связь между искусством и наукой — связь, которая сейчас как будто отсутствует. Долг церкви — откликаться на культурные запросы так же горячо, как и на все остальные аспекты бытия».

Глиняный куштин
в виде фигуры
человека.
Высота 28 см.
Мексика, VI век.

Смеющаяся фигурка
из глины.
Высота 50 см.
Мексика, VI век.

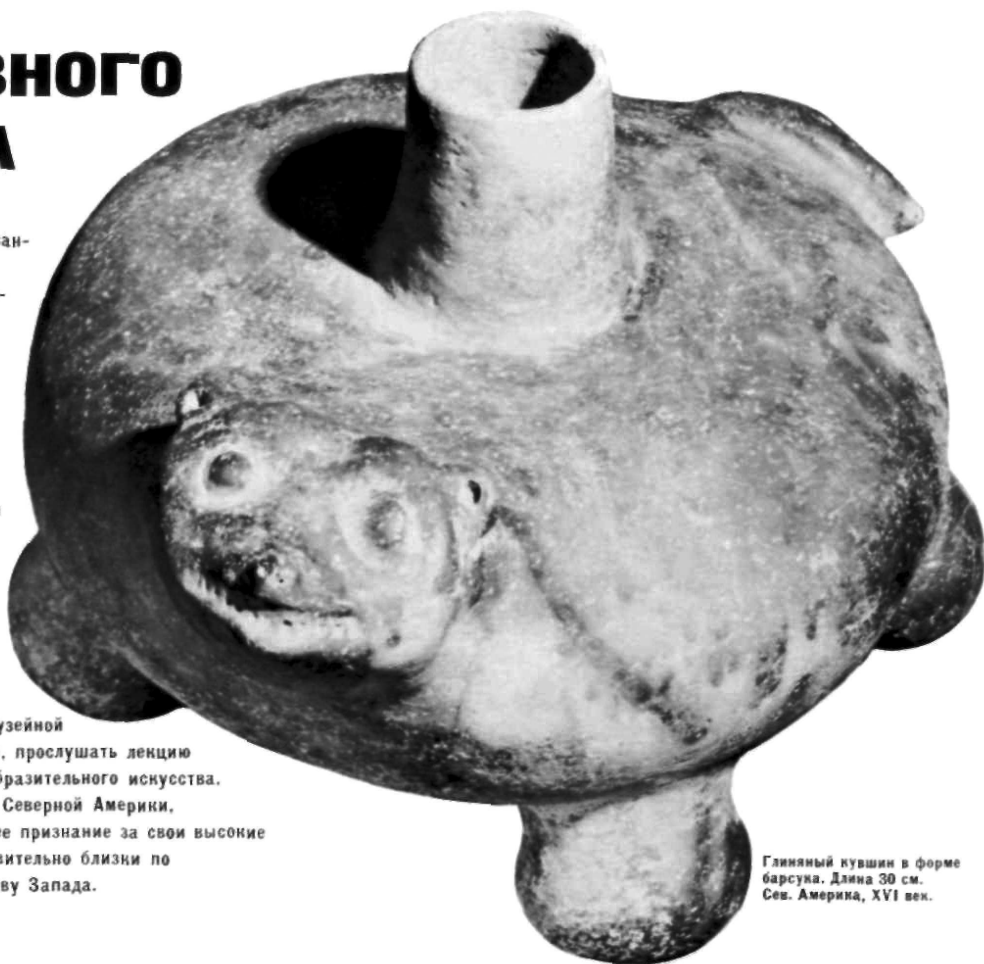
Узорчатая хлопчатобумажная
ткань. 149 × 66 см.
Перу, 1250-1400 гг.

Каменный кит для обрядового
курения. Длина 40 см.
США, XIX век.

МУЗЕЙ ПРИМИТИВНОГО ИСКУССТВА

В Музее примитивного искусства, основанном губернатором штата Нью-Йорк Нельсоном Рокфеллером, вы увидите смеющуюся человеческую фигурку, насчитывающую чуть ли не 1500 лет, и тут же мрачную маску, сделанную в XX веке. Ядром музея, одного из новейших в Нью-Йорке, является собранная его основателем замечательная коллекция примитивной скульптуры. За семь лет своего существования музей пополнился многочисленными экспонатами, начиная с монументальных скульптур Древней Мексики и кончая металлическими миниатюрами со Слонового Берега. Все экспонаты пожертвованы частными коллекционерами. Посетитель музея — будь то начинающий любитель или маститый ученый — может порыться в музейной библиотеке, посоветоваться со знатоками, прослушать лекцию выдающегося антрополога. Образцы изобразительного искусства, отражающие культуры народов Южной и Северной Америки, Африки и Океании, получают все большее признание за свои высокие эстетические качества. Они нередко удивительно близки по чувству и стилю к современному искусству Запада.

Глиняный кувшин в форме барсука. Длина 30 см. Сев. Америка, XVI век.

Птица из камня и асфальта с жемчужным орнаментом. Высота 10 см. США, XIX век.

Золотой кулон в виде ритуального ножа. Высота 15 см. Колумбия, XVII век.

Маска из китовой кости. Высота 17 см. Аляска, XX век.

Гарольд Б. Мейерс • с разрешения журнала ФОРЧУН

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА МОДЕРНИЗИРУЕТСЯ

Железные дороги играют существенную роль в народном хозяйстве Соединенных Штатов. Сеть американских железных дорог насчитывает 350 000 километров, составляя одну треть общей длины железных путей в мире. Таким образом, в стране столько железных дорог, что ими можно пересечь континент более ста раз. По этим дорогам циркулируют свыше 2 000 000 товарных и 40 000 пассажирских вагонов и 32 000 локомотивов.

Несмотря на такие внушительные цифры, на протяжении последних двадцати лет доходы американских железных дорог неуклонно падали. Их доля в перевозке грузов понизилась с 73 процентов в 1944 году до 43 процентов в 1964-м. Значительную часть товаров, транспортировавшихся раньше по железным дорогам, теперь доставляют грузовики, объем перевозок которых увеличился за тот же период в четыре раза. Заметно выросла и роль трубопроводов, речных барж и транспортных самолетов. Что же касается пассажирских перевозок, то они в настоящее время осуществляются главным образом автомобилями и самолетами.

Помимо жестокой конкуренции, железным дорогам приходится считаться с требованиями профсоюзов и правительственных органов. Профсоюзы постоянно добиваются повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. Они также требовали, чтобы кочегары по-прежнему сопровождали все дизельные локомотивы — как дальнего следования, так и маневровые, — несмотря на утверждения железнодорожной администрации, что в этом больше нет надобности. Правительство, в свою очередь, требует, чтобы железнодорожные компании продолжали обеспечивать пассажирский транспорт между городами и пригородами — дело подчас убыточное. До 1958 года железным дорогам запрещалось понижать грузовые тарифы ниже определенного уровня, чтобы дать возможность автогрузовому и речному транспорту вести конкурентную борьбу на равных началах.

Однако, начиная с 1958 года произошел ряд благоприятных для железных дорог изменений. Законодательным путем было разрешено значительно снизить грузовые тарифы. Принятый в 1963 году закон предусматривает постепенное упразднение должностей кочегаров (путем выхода части кочегаров на пенсию и перевода остальных на другую работу). В апреле 1964 года между представителями железнодорожных компаний и профсоюзом было заключено соглашение о повышении заработной платы рабочих сортировочных станций до трех долларов в час. Пожалуй, наибольшего прогресса железные дороги достигли благодаря технологическим усовершенствованиям: у них появились более мощные локомотивы, более вместительные товарные вагоны и трехъярусные платформы, поднимающие от 12 до 16 автомобилей.

Все эти изменения позволили железным дорогам снизить грузовые тарифы и одновременно увеличить доход. Появились новые клиенты, стали возвращаться старые. В предлагаемом очерке мы расскажем, как одна из американских железнодорожных компаний — «Южная железная дорога», — совмещая опыт прежних лет с современной технологией, старается улучшить обслуживание клиентов и увеличить свои доходы.

Д. У. Броснан в своем служебном вагоне.

Солнечное летнее утро. В восемь часов машинист Джимми Кэртин, держа в руках черную сумку и необычайно большой термос с кофе, вскакивает на подножку локомотива № 2553 Южной железной дороги на сортировочной станции Потомак в вымышленном городе Александрия. С № 2553 счастливо плывет такий же дизельный локомотив. Длина каждого — 17 метров, вес — 205 тонн и мощность — 2250 лошадиных сил. Все шесть доспехов черной краской с белой и золотой отделкой. Все заправлены горючим и маслом. Машинисты локомотивов вполголоса начинают ежедневный яростный спор о составе № 153 на юг.

«Южная обслуживает Юг» — таков девиз Южной железной дороги. Это имеет важное значение для данной части страны. Более того: с общенациональной точки зрения, эта железнодорожная компания, как реактивный самолет авиалинии, содействует новому и непривычному для железнодорожного транспорта делу — успешному и плодотворному соревнованию. Компания делает упор на тщательно продуманную конкурентную стратегию, которая позволяет ей извлекать прибыль в рамках тех ограничений, которые налагают на железные дороги профсоюзы и правительство. Южная железная дорога прокладывает новые пути для всей железнодорожной индустрии в области усовершенствования технологии и повышения производительности труда. Рискую миллионами долларов, она в настоящее время проверяет на практике новый принцип: несмотря на растущую конкуренцию железные дороги, улучшив обслуживание и понизив тарифы, могут расширить свою клиентуру и быть доходным предприятием.

Южная не только обслуживает Юг, но и Юг до известной степени обслуживает Южную. Густая сеть путей Южной покрывает этот быстро развивающийся промышленный район. Пути извиваются и скрещиваются, сходятся и расходятся, как клубок нитей, обретенный небрежной швейей.

Джимми Кэртин ударяет в колокол и дважды идет в благозвучный удар своего охладительного локомотива № 2553. Он слегка нажимает на красный рычаг протектора. Машинка дрожит и ревет. Выскочивший из окна, Кэртин охладывается на верный состав из 60 товарных вагонов, к которому он должен прицепить свои шесть локомотивов. «Делай!» — кричит тормозной. Кэртин медленно подает поезд вперед. Вагоны прицеплены.

Переводя поезд на другой путь, Кэртин прицепляет второй состав из 88 вагонов. Затем он ждет, пока инспектор не осмотрит каждое сцепление и все 148 вагонов товарного поезда № 153. Обойдя весь состав, инспектор размахивает над головой обеими руками. Это сигнал Кэртину: «Все в порядке». Позвонив в колокол, машинист ведет поезд через сортировочную на главный путь. Вперед на светофоре вспыхивает зеленый свет. Джимми Кэртин дает полный газ. «Поезд на солнечный Юг!» — говорит он, и его голос топит в реве дизелей.

В 1962 году 1109 дизельных локомотивов Южной железной дороги покрыли расстояние в 46 300 000 км. 850 пассажирских вагонов компании прошли 124 200 000 км, обслужив 1 300 000 пассажиров, а 66 829 товарных вагонов — 1 600 000 000 км, доставив 72 000 000 тонн груза. Вместе с платой за доставку почты и другими поступлениями, к концу года валовой доход компании равнялся 344 764 000 долларов, и Южная заняла седьмое место среди железных дорог страны. После уплаты эксплуатационных расходов (248 400 000 долларов), федеральных, штатных и местных налогов (35 700 000 долларов)